

фантастическая
история

Константин Назимов

Охранитель

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Охранитель

Константин Назимов

Охранитель

«Автор»

2019

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Назимов К.

Охранитель / К. Назимов — «Автор», 2019 — (Охранитель)

ISBN 978-5-9922-2980-6

Иван и думать забыл об эпизоде, когда его отблагодарил аксакал, проводя странный ритуал и дав непонятное напутствие. Прошло не так много времени, и пули киллера стали толчком к началу новой жизни... в другом мире и теле. Отброшен назад, и реальность другая. Несколько ключевых событий в России восемнадцатого – девятнадцатого веков пошли по другому сценарию. А на дворе сейчас 1903 год, царская Россия процветает, но мне-то известно, что устои расшатываются и все может рухнуть. Врагов много, а мне, бывшему военному и телохранителю, оказавшемуся в теле молодого паренька, предстоит заниматься различными, несвойственными мне ранее делами. Звон сабель, свист пуль, драки и приготовление лекарств для спасения людей... Придется пройти трудный, но увлекательный путь.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2980-6

© Назимов К., 2019
© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Константин Назимов

Охранитель

Пролог

– Бей сильнее! Он же очухается сейчас! – звучит чей-то нервный голос.

В животе разгорается боль, удары осыпают меня с ног до головы, во рту кровь, глаза открыть невозможно. О сопротивлении говорить не приходится, даже защититься и поставить блок не могу. Непонятно, что происходит.

– Да утопить его в луже, и делу конец! – предлагает кто-то.

Чувствую, что меня тащат прямо по глине и окунают в жижу с головой. Мозг начинает приходить в себя и сопоставлять необъяснимое. Точно помню, что пару часов назад находился в городе и на природу выезжать не планировал. Даже если мой босс и решил развлечься, то где он смог отыскать зимой жару и грязь в лесу? Хрень полная! Но в легких начинает гореть, воздуха не хватает, пытаюсь вырваться и получаю пару ударов по почкам. Суки, знают, куда бить! Тем не менее выворачиваюсь из захвата и перекачиваюсь вбок: держали меня не так профессионально. Резко вскакиваю на ноги, босые ступни разъезжаются в глине, поскальзываюсь и падаю, но с удивлением обнаруживаю, что меня окружают пяток пацанов и тройка девок. Одеты нападающие странно. У парней длинные рубахи подпоясаны ремнями, шаровары, а на ногах лишь у одного сапожки, остальные босы. Девки все в сарафанах, с косами и не окрашены. На вид компании лет по пятнадцать, в отдалении корзинки валяются, а рядом с ними рассыпана вязанка хвороста. Прокачиваю ситуацию и мысленно удивляюсь: как это меня могла такая шпана отмутузить? Хочу задать пару вопросов, но из горла вырывается мычание, перед глазами меркнет...

– Разряд! – доносится голос.

Электрический ток прошивает меня в районе груди. Тело выгибается дугой, глаз открыть не могу, вокруг негромко переговариваются, кто-то размеренно надавливает мне на грудь. Звучат короткие приказы, монотонный писк раздражает.

– Разряд!

Вновь подпрыгивает тело, адски печет, и горят все органы. Особенно обращает на себя внимание рваная и пульсирующая боль в районе живота. А, туда же попало не меньше трех пуль из «макарова»...

Воспоминания нахлынули разом. Своего босса провожаю к машине, на бешеной скорости вылетает старая иномарка, у которой опущены боковые стекла. Прыгаю на спину своего охраняемого и заваливаю того перед дверью машины, которую терзают пули из автомата. Звон стекла, запах бензина, шипят пробитые шины, но покушение не удалось. Водилу жаль, но с ним не приятельствовал: разные взгляды на жизнь. Мимоходом отмечаю, что угрозы нет, вздергиваю блеющего что-то босса и направляю в сторону ресторана, откуда мы минуту назад вышли. Представительская машина премиум-класса не загорелась, но теперь только на свалку: выпустили в нашу сторону не меньше пары рожков АК-47, не тачка – решето. А я же ни разу и не выстрелил, хотя толку от моего травмата – он и шпану-то не всегда отпугнет.

– Ваня, что это? – заикаясь спрашивает босс.

– Убить вас кто-то возжелал или напугать, – отвечаю, а сам подталкиваю его к входу в кабак.

Неужели вернулись лихие девяностые? Мой подопечный заседает в думе, владеет парой заводов, через подставных, естественно, лиц, но в разборках не участвовал. Кому-то дорогу перешел? Хрен их знает, я-то заступил на службу всего пару недель назад и в круг близких

доверенных не вхож. Командир к себе подтянул: сказал, что работка непыльная, главное – лицо делать тупое и мышцами не бравировать, сейчас такое не в тренде. Странно? Вот и мне так показалось. Но спорить не стал: деньги нужны, с женой разбежались, хвала богу, что детишками не обзавелись. А так-то мы с командиром не один сухпак в вылазках разделили. Служили в горах, пытаясь то ли примирить, то ли поссорить выходцев с гор.

– Удачно ты ему попала! – рассмеялся пацан.

Меня скрутила острая боль в паху, а сам вновь валяюсь в грязи, и где-то чирикают птички, кукушка кукует.

– Пацаны! Михус стадо гонит! Валим! – прокричал кто-то, и мимо меня пробежали обидчики.

Встать не могу, пошевелиться тоже. Даже глаза и те не открываются. Бред? Скорее всего. Ведь из дверей кабака вышел интеллигентного вида мужичок, чуть пошатываясь и не обращая на меня с боссом внимания, крикнул:

– Такси! И по девкам!

На секунду перевел взгляд в сторону дороги, а потом раздались пистолетные хлопки из глушителя. Киллер все правильно сделал: сперва пара пуль досталась моему охраняемому, потом мне. Упали мы рядом, а киллер спокойно подошел и произвел контрольный в голову босса и в меня. Точно помню, что пуля обожгла висок, и тогда-то решил, что все, отгулял на белом свете Иван Чурков, двадцати восьми лет от роду.

– Прямой в сердце! – раздается голос, и в мою грудь вонзается игла.

Адреналин? Врачи пытаются вернуть к жизни? Если правильно оцениваю полученные раны, то это не лучший вариант. Повидал калек после таких выстрелов. Влачить жалкое существование? Благодарю, но желания нет. Врачи же пытаются бороться, вновь разряд – и пара писков вселяет в них надежду. Н-да, предсказание горца, что достигну своим мечом и умом многого, не сбылось. Да и старик явно из ума выжил, за правнука переживал неделю, найти не мог, а пацан в ущелье сорвался, ногу сломал. Я его случайно отыскал, когда стоял в боевом охранении. Мы тогда впятером на вылазку отправились, командир же настоящим мужиком оказался, да и задание вышло нехлопотным. Приказал пацана до дома доставить. Вот по горам я его на себе двое суток и волок. Толком не понимал ничего – языка-то их не знаю, а по-русски тот всего пару слов разумел, но дорогу показывал. Оказался в горном кишлаке, старый аксакал меня долго благодарил. Хотел денег дать, а у самого сапоги в ремонт просятся.

– Уважаемый, я же не за награду, – отрицательно покачал я головой, глядя на мятые купюры в руках старика.

– Мало? – поинтересовался тот, а у самого в глазах искринки, и даже морщинки разгладились.

– Пацана жалко, – усмехнулся я, а потом попросил: – Мне бы водички, да пора в обратную дорогу, своих догонять.

– Не переживай – догонишь, – погладил старик в задумчивости бороду. – Однако отблагодарить тебя обязан. Пошли! – Он развернулся и направился на выход со двора.

Пожав плечами, последовал за ним. Нет, о награде в тот момент не помышлял. Молодой, романтика в душе, никакой меркантильности, да и что взять с бедных горцев? Хотя у них могут быть припрятанные ценности, но мне они без надобности, живым бы из передряг выбраться. Минут двадцать шли, старик оказался крепким и шустрым, я за ним еле успевал. И вот мы оказались на ровной площадке одной из многочисленных гор.

– Странно! – удивленно покачал я головой, осматривая нанесенные рисунки и явные письмена на незнакомом языке.

Есть чему удивиться: кругом горы, воздух разрежен, а тут дышится легко, жара не ощущается, да и сама площадка метров десять на десять идеально ровная и без единой выбоины!

– В центр встань, – приказал дед.

Да, он сказал это таким голосом, что послушаться его почти невозможно. Даже шаг сделал, но желание немедленно подчиниться в себе поборо, по сторонам осмотрелся, ремень автомата поправил и спросил:

– На хрена?

– Все, что могу, – отблагодарить этой малостью, – непонятно ответил тот.

Не чувствуя угрозы, я выполнил его требование. Старик речитативом что-то на своем гортанном языке произнес, а потом руку приложил к одному из символов. Блин, вихрь в центре площадки меня охватил, думал, сейчас поднимет в воздух и швырнет в ближайшую пропасть. Но нет, обошлось. А вот письма мерцали разным светом, старик же продолжал под нос себе бубнить, а вторую руку к небу поднял. Такое ощущение, что он чего-то просит или требует. Минут пять это заняло, аксакал без сил на камнях прилег, я же в недоумении к нему подошел. Сам никаких изменений не ощущал.

– И что же это ты делал? – спросил, склонившись над стариком.

– Благодарность, – хрипло ответил тот. – Тебе в этом мире отмерено немного времени, потом уйдешь в другой, но души не потеряешь.

Объяснения я не понял, на уточняющие вопросы дед отвечать отказался. Решил, что он верит в потусторонние силы и проводил один из ритуалов. Конечно, странно это все, но делиться ни с кем этим происшествием я не стал: реакцию предвидел, и в лучшем случае на смех подняли бы. Из аула ушел и вскоре со своими встретился.

Вернувшись к мирной жизни, попытался учиться, заниматься бизнесом, таксовать, делать ремонты... Легче сказать, чем не занимался и за какую работу не брался. В итоге стал телохранителем, неудачным: карьера не задалась. После происшествия у ресторана меня уже никто охранять себя не поставит.

– Бесполезно, – доносится голос. – Нам его не откачать.

– Последняя попытка, – устало отвечает кто-то. – Разряд!

До меня доносится равномерный писк медицинского аппарата, предназначенный следить за сердцебиением, – моим...

По лицу бьют крупные капли дождя, все тело избито, и двинуть ни рукой, ни ногой не в состоянии. По щекам скатились капли и попали на губы. Соленый дождь или слезы? Да ну на фиг! Уже и не помню, когда это я плакал! Радует одно – зубы целы, а то сейчас вставить новые слишком дорого, а денег нет.

– Эх, паря, ты не от мира сего, – пробубнил чей-то голос, и меня взяли за шкурку и подняли из грязи. – Н-да, знатно тебя отмутузили. И чего не убег? Ты хоть живой?

Вопросы кто-то задает, а глаз открыть не могу, как и язык повернуть. Что-то странное, речь незнакомца плавная и гортанная, его прекрасно понимаю, но говорит он на незнакомом мне языке! Как такое может случиться? Нет, похоже, действо в бреду на операционном столе происходит, это все выверт мозга!

Меня тем временем положили на травку, в ухо чирикает кузнечик, а мужик начинает ощупывать на предмет переломов. Хм, действует сноровисто и грамотно, даже в штаны заглянул и пробубнил, что не так все и страшно. Мой спаситель лицо мне отер моей же рубашкой, и глаза я смог открыть. Бородатый, со старым шрамом на щеке и когда-то сломанным носом, склонился надо мной.

– Ты кто? – спросил я его.

– Ба! Да ты никак заговорил! Эх тебя отдубасили, даже язык стал слушаться! – удивленно покачал он головой.

– Где я? – задал я второй вопрос, а у мужика зрачки расширились, а рука на рукоять тесака на поясе легла.

– Так все там же, – криво усмехнулся он в ответ.

Приподнимаюсь и осматриваюсь. Опушка перед лесом, дорога разбитая, стадо коров, на небе тучи, птички поют. Но данное место мне незнакомо. С чего это мозг такую картинку выдает? Взгляд цепляется за босую ногу... Она моя – и мне же не принадлежит. Мой сорок шестой и большой выпирающий палец никак не могли измениться на максимум тридцать восьмой и без родинки. Сглотнул и поднял к глазам ладонь – пальцы тонкие, кожа не грубая. На лицо упали волосы – длинные, а не мой короткий «ежик». Что, черт возьми, происходит?! Попытался встать, голова закружилась, и сознание померкло.

Глава 1

Благодарность аксакала

Очнулся, как ни странно, от боли в паху. Нет, ребра ноют, и лицо болит, но не так сильно. Глаза явно заплыли, сквозь приоткрытые веки рассматриваю траву и муравья, который что-то ищет. Последние события вспомнились и озадачили. Попытался пошевелиться, но не тут-то было: стало слишком больно, что довольно странно, так как болевой порог у меня достаточно высокий. И все же что за хрень? Киллер промахнулся? Вполне возможно, что рука дрогнула или я сумел головой дернуть, а пуля вскользь прошла. А с другой стороны, до этого он в меня не один раз стрелял, и ранения все были серьезными, с такими выжить сложно, уж в чем-чем, а в этом отлично разбираюсь.

Над ухом кто-то шумно задышал, а потом меня лизнули. Повернул со стоном голову и увидел широкую улыбку волкодава с высунутым языком.

– Бус! Делом займись, коровы разбредаются! – прозвучал голос.

Пес вздохнул и исчез из поля зрения, а мгновение спустя раздался грозный лай и расстроенное мычание коров. Почему расстроенное? Ну, так показалось, словно коровы замыслили побег, а он не удался. Вот дурные мысли! Тут впору задуматься о своей голове: явно крыша прохудилась! Скорее всего, пуля мозг задела, но врачи с того света вытащили. Зато последствия плачевны – в овощ я превратился, валяюсь где-то головешкой и брежу. Но терять-то нечего, если это бред или сон, то и действовать можно как угодно. Кстати, когда снятся сны, но разум работает, можно видения подкорректировать. Мысленно представил, что организм цел и не болит, после чего попытался встать. Хрена с два! Голову на пару сантиметров поднял да рукой о землю оперся – так в мозг боль шибанула, что слезы брызнули, перед глазами все поплыло, из горла стон с полувсхлипом вырвался.

– Ваня, ты лежи, не дергайся, – похлопал кто-то меня по плечу. – Скоро бабы приедут коров доить, с ними тебя домой и отправлю.

Перевернулся на спину: пара ребер явно сломана, специфически знакомая боль. Хотел вновь вопрос задать, но сдержался, решив пока осмотреться и понять, что происходит. Бородатый мужик смотрит на меня с интересом и в какой-то степени озадаченно. Сам он кряжист и побывал не в одной заварушке. Как же его ребята называли? Михей? Нет, не так. Михус. Да, точно! Странное имя, скорее кличка. Глаза зацепились за пса, который носится по опушке и собирает стадо. Хм, столько коров в одном месте мне видеть давно не приходилось, тут их под сотню, не меньше. Это что же за фермерское хозяйство такое? Сейчас не принято пасти скот, животные стоят в коровниках, и их автоматика кормит. Или вот «бабы доить приедут»... Уп-с, телеги показались, на них восседают женщины и громко о чем-то разговаривают, лузгают семечки и смеются. Михус пошел навстречу приезжим, оставив меня одного. Он о чем-то перекинулся парой слов с доярками и отошел в сторону. А женщины, в том числе и подростки, приступили к дойке. Ручками! Вновь взгляд зацепился за одеяния – они просты, сейчас так никто не одевается. Опять же ни у кого не раздалась мелодия сотового звонка. Да быть такого не может! Дернул головой от осознания неправильности, а потом вспомнил, что и сам-то странно выгляжу. Через минуту пришел к выводу, что мозг подкидывает небывалую картинку. Я нахожусь в теле подростка, и вокруг неизвестная местность.

– Ваня, ты меня понимаешь? – склонила голову набок дородная тетка.

– Угу, – кивнул ей и поморщился от прострела в ребрах.

– Скажи что-нибудь, – попросила тетка, к которой подошла еще пара женщин и пялилась на меня как на диковинку.

– Ребра поломали, а удой у вас знатный, – осторожно ответил.

Бабы всплеснули руками и принялись громко обсуждать какого-то дурачка местного. Из их монолога – друг дружку они не слушали – пришел к выводу, что местный божий человек – это я. Обижать такого грех, но местные парни всячески над убогим издевались и отводили душу. В таком состоянии видеть им меня не впервой, но, кроме мычания, ничего от меня не ждали.

– Чего раскудахтались? – прикрикнул на баб Михус. – Радость у Макара и Лидии – младшенький в себя пришел. Давайте его на телегу и до дому везите, сам-то он не дойдет.

Мне помогли загрузиться в телегу, где в окружении кувшинов с молоком и повезли в сторону села. К этому времени я уже начинал подозревать, что приключилась какая-то хрень с моим сознанием и, по всей видимости, каким-то невиданным путем произошел перенос этого сознания. Неужели тот старый аксакал так меня отблагодарил? Холодный пот прошиб: слишком все реально. Тем не менее ущипнул свою ногу – больно. Идущие рядом с телегой доярки наперебой обменивались мнениями по данному «чуду». Семнадцать годков парень ходил неприкаянный, вроде что-то понимал, но блаженному поручали набрать воды да хвороста из лесу притащить. Пока никак не мог определиться, какой год, но явно не современный. Радовало одно: нахожусь где-то в центральной России, но пока еще до конца не могу поверить в реальность происходящего. Время от времени я косился на дорогу, стараясь разглядеть следы протекторов от автомобилей, но их не было. На розыгрыш это никак не походило, да и я все время забывал, что тело-то не родное. Кстати, мышцы почти отсутствовали, были одни сухожилия да кости. От тряски (и как только молоко не сбивается?) голова стала кружиться, сознание меркло. Расчет, что опять услышу голос врачей и окажусь на операционном столе или в палате больницы, не оправдался. Сознание терял, однако новых видений не происходило.

Привезли меня к плетеному забору, через прутья виднелись деревья, в окружении которых стоял дом с соломенной крышей. По двору прогуливались куры и утки, хрюкал поросенок, лениво брехала собака, рядом с нею развалился кот, ни на что не реагируя.

– Лидка! Твоо малахольного привезли! Опять его пацаны отметелили! – крикнула одна из баб во все горло.

От такого крика я на миг оглох, а ее товаркам не привыкать, даже разговоры не смолкли.

Из калитки вышла женщина и, отряхивая руки от земли, направилась к телеге.

– Жив? – с непонятной интонацией спросила она.

– И даже говорит! – ответили ей бабы хором.

Женщина споткнулась и недоуменно на меня посмотрела, а потом робко и с надеждой спросила:

– Иван?

– Да, – ответил я ей и поморщился.

– Макар! Иди сюда! – заорала Лидия, не уступив по громкости той бабе, которая ее вызывала.

Мужик, вероятно являющийся моим отцом, явился на крик. Картуз на голове, красная рубаха навывпуск, шаровары заправлены в сапоги. Н-да, на улице жара, а он в кирзачах. Макар пару вопросов бабам задал, скользнул взглядом по моему избитому лицу, а потом помог встать и чуть ли не волоком оттащил в дом. Досталось мне сильно – пока шли, сознание пару раз терял, по сторонам не смотрел, только под ноги, анализировать и то не пытался – не до того. Макар положил меня на кровать и стал что-то спрашивать, но ответить я не смог, глаза закрылись – и провалился в сон, сил нет совсем.

Очнулся от криков петухов, в маленькое окошко пробивался свет, и можно было осмотреться. В комнатке стояли стул, кровать, и имелась пара вбитых гвоздей, на которых висела одежда. Тело болело, ребра нужно было перебинтовать. Этим и занялся в первую очередь. Странно, но меня врачевать никто не собирался, как не озаботились и о еде. Перетянул грудину, всю в гематомах, простыней и потер висок. Пора прийти к каким-то определенным выво-

дам, а делать их очень не хочется. Особенно поражало то, что увидел в окошко. Так реконструировать деревенский быт невозможно, если не ввалить пару миллионов в подобное развлечение.

Оделся и осторожно направился на улицу. Прошел по участку, отыскал кадку с водой, из которой умылся, и полюбовался на собственное отражение. Хм, лицо опухло так, что мое ли оно – сказать невозможно, но волосы явно принадлежали другому человеку. Мало того что мой «ежик» сантиметров на двадцать был короче, так еще тут и ни одной седой волосинки.

– Ваня, ты как? За хворостом пойдешь? – прозвучал голос Макара.

– Так дров-то достаточно, – кивнул я на сложенные поленицы и лежащие рядом с ними горы хвороста. – Это все я натаскал?

– И вправду говорит, – удивился Макар и поцокал языком.

Хм, а он ведь играет, неискушенно: глаза-то отвел и губы поджал. Макар снял картуз, пригладил волосы, хмыкнул и кивнул в сторону лавки:

– Посидим, покурим.

– Давай, – согласился я.

В свое время я покуривал, имелась такая дурная привычка, но бросил.

Сели мы с Макаром, тот достал кисет и неспешно свернул самокрутку, прикурил и глубоко затянулся. Я же пытался рассмотреть, что на спичечном коробке написано, который Макар в руке подбрасывал.

– А ты ведь всю ночь бредил, – придя к каким-то выводам, сказал мой собеседник.

Я молчал – говорить нечего, а Макар продолжил:

– Двигаешься не так, как раньше, неожиданно заговорил и соображать стал. Ты кто, паря? – Он остро впился взглядом в мое лицо.

– Иван я, – чуть пожал я плечами, а потом добавил: – Так меня назвал Михус, когда в грязи избитым нашел.

Макар кивнул, затянулся и тяжело вздохнул.

– А в бреду чего говорил? – спросил я его, уже понимая, что выдать себя за его сына никак не получится.

Можно прикинуться, что потерял память, а если учитывать, что блаженным недавно по селу ходил, то вроде бы все легко и просто. Но как провести человека, который знал своего сына с пеленок? Да и стоит ли? Каждое мое действие «близкие» станут внимательно рассматривать. Вот не так стал есть, ложку с вилок по-другому держит, слова неизвестные говорит. Нет, скрываться смысла нет. Но как Макар себя поведет? Объявит сторонником темных сил и предаст анафеме?

– Много чего, – уклончиво ответил тот. – Я всю ночь не спал, думал, как с тобой разговор составить. Не ожидал, что признаешься. Сын-то мой где?

– Скорее всего, один из ударов смертельным оказался, – медленно ответил я, подбирая слова. – В меня, если ты понял, стреляли. Последнее, что помню, – врачи пытались спасти.

– Благородных кровей? – уточнил Макар.

– На этот вопрос сложно ответ дать, – покачал я головой. – Лучше скажи, который сейчас год и где находишься.

Макар крякнул, с удивлением на меня покосился, но промолчал. Он не понимал, как себя со мной вести, да и я тоже не составил никакого плана, плывя по течению. Врать не хотел, но и правды говорить нельзя. Мой собеседник вновь стал крутить самокрутку, а потом и мне предложил. В такой ситуации не только закуришь, поэтому с благодарностью принял кисет. Увы, нормально скрутить сигаретку не сумел: практика, по понятным причинам, отсутствовала. А мой собеседник наблюдал за каждым моим жестом. Молча отобрал у меня газетный обрывок, пару движений сделал – и протянул мне самокрутку. Чиркнул спичкой и дал прикурить. Табак оказался некрепким, горло драть и не подумал. Глубоко затянувшись, я выпустил струю дыма, подняв голову к небу.

– Н-да, Иван-то курить не пробовал, – вздохнул Макар.

Он начал рассказывать, и чем дальше, тем больше я хмурился. Выяснил: нахожусь в Тверской губернии, год тысяча девятьсот третий, государство Российское. Село большое, сто домов, до города пятьдесят верст. Это в двух словах, а после уточняющих вопросов стал сам припоминать, что из того времени известно. Увы, отсчет знаний у меня датируется с пятого года, а потом с семнадцатого и после, истории не шибко много внимания уделял. Смутное время скоро настанет, и что делать – непонятно.

– Государыня у нас справная и мудрая, за каждого подданного горой, говорят, есть смутьяны, недовольные ее правлением и молодостью, но это от недалекого ума, – выдал Макар, повергнув меня в изумление.

– Подожди, а на троне не царь разве? – озадаченно уточнил я у него.

– Господь с тобой! Уже три года как княжна Ольга на престол поставлена и перед Богом помазана! Вначале советники правили, законы хрен пойми какие городили, но потом государыня подросла и все в свои руки взяла. Пришлось ей мятеж из дворян подавить – кого казнить, а кого на каторгу, – зато теперь нет таких наглых поборов.

Сижу словно мешком по голове ударенный. И так-то историю своей родины знал не слишком хорошо. Но уж спутать царя с царицей никак не могу! Россией когда-то правила Екатерина, но в тысяча девятьсот третьем на престоле находился Николай Второй из семьи Романовых! Это отлично помню, как и то, что потом произошло. Да и из ключевых событий того времени помню, что через год начнется Русско-японская война да большевики с меньшевиками будут «воду мутить» и в головы народа различные мысли вкладывать. Как сам отношусь к тому времени? Хм, а ведь нет у меня ответа. Не задумывался, а склонять прошлое не любитель, людей только жалко, тех, что погибли да влачили жалкое существование. Однако попал-то я в мир, где история пошла не по тому сценарию, и что дальше последует – неизвестно. Взлохматил волосы и погрузился в раздумья. Бежать и орать, что к вам пришел гость из будущего и знает... А что, собственно? Сконструировать двигатель или изобрести что-либо я не в состоянии, да и о событиях ничего рассказать не могу. С вероятностью под сто процентов их в этом мире не случится, все не так пойдет. Возможно, сценарий повторится, но явно с другими вариациями.

– А? Повтори, пожалуйста, – попросил Макара, который что-то спросил и теперь ответа дожидался.

– Что делать-то умеешь? И какие планы? – задал он два вопроса.

– Планы? – переспросил я. – Знаешь, для самого это все неожиданно, да и какие планы в таком-то теле, – ткнул себя в грудь и поморщился от боли в ребре.

– В твоём возрасте у меня уже сын родился, я избу поставил, обзавелся хозяйством, – хмыкнул Макар.

От перспективы повесить на шею семейное ярмо и пасти скот (на большее в деревне мне рассчитывать не приходится) я отрицательно качнул головой, но вслух этого говорить не стал.

– Да и умения мои, по сути, тут никому не нужны, – сокрушенно посмотрел я на ладони. – Знаний мало, подобной ситуации не предвидел.

– Так скоко тебе годков стукнуло, когда к лекарю попал? – уточнил Макар.

– Двадцать восемь.

– Угу, и до этого времени ты прохлаждался и ничем не занимался?

– Телохранителем работал, ну, охранял знатных персон.

– Гм, охранитель? – Он смерил меня взглядом, а потом сплюнул под ноги: – Прости, забываю, с кем говорю и что тело-то сына мово.

Помолчали, а потом Макар хлопнул себя по колену и сказал:

– Всем будет спокойнее, если ты никому об этом разговоре не расскажешь. Говори, что ничего не помнишь и все для тебя в диковинку. Жить можешь у нас, захочешь уйти – удерживать не буду. К делу пристрою, не осерчай: задарма кормить не стану.

– Спасибо, – ответил я ему.

Макар давно ушел, а я продолжал сидеть на лавке и размышлять о своем положении. Никак не мог отказаться от мысли, что в любой момент окажусь в собственном теле и родном мире. Но и со счетов нельзя сбрасывать то, что аксакал из горного аула провел ритуал и после смерти мое сознание перенеслось в другого человека. Парень-то, вероятно, и в самом деле умер, били его на совесть, уж в чем в чем, а в этом я понимаю. За что и почему? Да, скорее всего, из-за странности его. Многие любят унижать слабого, в особенности того, кто дать сдачи не в состоянии.

Хм, а ведь необходимы тренировки, если собираюсь выжить в этом мире. Но первоестепенное дело – осмотреться и не выделяться, а потом решать, как действовать. Путь-то у меня не так много, но податься в армию и служить рядовым не хочу. Не знаю, как в этой реальности, но вскоре могут начаться войны, где за жизнь рядового из деревни и медного гроша никто не даст.

Через час меня позвали на завтрак: семейство Макара питалось за одним столом. Разнослов не было – на столе тарелка с ватрушками, и у каждого стакан чая. У меня оказалось двое братьев и три сестры. Все погодки, братьям, по моим вычислениям, уже двадцать четыре и двадцать три года исполнилось. Хм, а по деревенским меркам сестры-то в девках засиделись! А не причина ли в их младшем, из-за которого опасались замуж звать? Если родился один не от мира сего, то такое семейство стараются стороной обходить.

– Ваня, выпей-ка водички, – протянула мне стакан Лидия.

Удивленно на нее посмотрел, но заметил, что на меня все с напряжением смотрят, а в углу, не так далеко от главы дома, ружье у стены стоит. Взял я стакан, решив, что это такая проверка. На всякий случай понюхал – обычная вода. Выпил и посмотрел на Макара. Глава семейства встал, улыбнулся и широко перекрестился, повернувшись к иконе, за ним все домашние повторили. Неуверенно и я перст ко лбу поднес и тоже перекрестился.

– Мать, крест нательный Ивану отдай, – распорядился Макар. – Святая вода от всего очищает.

Лидия на мужа посмотрела, губы поджала – не понравилось ей, но перечить не осмелилась. Ушла в горницу и вернулась с тряпицей, развязала и крестик мне на веревочке протянула. Надел его и, чуть помявшись, вновь перекрестился.

– Можем и позавтракать теперича, – скомандовал Макар и взял ватрушку.

Все повторили его действия, я опять чуток запоздал. Ели в полной тишине, разговоров никто не заводил, но на себе я ловил внимательные и недоуменные взгляды: явно что-то не так делаю.

– Мы с Иваном на охоту, – выпив чай и поставив пустой стакан на стол, неожиданно объявил Макар, а потом не слишком понятно добавил: – Младшой должен приучаться.

И вновь никто ему не стал перечить – чувствовалась твердая рука.

– Гриша, ружье свое и патронташ брату одолжи, – мимоходом сказал Макар, направляясь к двери.

Старший из братьев кивнул и поднялся следом за отцом. Когда они вышли, Лидия и сестры синхронно выдохнули и расслабились, а вот оставшийся мужчина брови нахмурил. Хм, Макар в строгости семейство держит, парни ему пытаются подражать.

– Вань, а тебе петушка на палочке не хочется? – склонила набок голову одна из девушек и озорно на меня посмотрела.

– Нет, – буркнул я и поспешил выйти в дверь.

Плохо представляю, как себя вести с этими людьми.

– На тетеревов пойдем: давно жареной птицы на столе не видали, – объявил на улице Макар, а Григорий молча протянул мне ружье и патронташ.

Отправились мы с Макаром через все село, демонстративно и посредине дороги. Шли долго, с каждым встречным мой так называемый отец останавливался и рассказывал, что сынок-то с мозгами подружился. Обязательно задавался тот или иной вопрос мне, чтобы услышать мой голос. Вначале я терялся в догадках, но потом сообразил, что Макар преследует несколько целей одновременно. Показывает, что мне доверяет, и оружие тому подтверждение, и, в свою очередь, знакомит с селом. Или слишком многого хочу? Нет, Макар тот еще жук. Хозяйство у него справное, три коровы, две лошади, про свиней и птиц не говорю, не считал. А с учетом того, что дом его крайний, тащиться через село глупо, не поверю, будто тетерева водятся только в той стороне. Да и какая охота на птицу днем? Когда вышли за околицу, прямо об этом и заявил. Макар довольно крикнул и кивнул каким-то своим мыслям.

– Иван, ты правильный вывод сделал, да и сельчане не дураки, поняли мою демонстрацию. Но без трофеев нам возвращаться не следует, поэтому переночуем в сторожке, до нее пару часов идти. Кстати, с оружием-то знаком? – кивнул он в сторону моего плеча.

– Разберусь, – усмехнулся я. – Но есть проблемка: с такими синяками, – провел ладонью по глазам, – боюсь, точно прицелиться не смогу.

– Так дробь сама жертву найдет, – хмыкнул Макар и зашагал по дороге.

Ну, спорить я с ним не стал, да и было о чем поразмыслить. Мне представлялись забитые и нищие крестьяне, еле-еле сводящие концы с концами. Однако увиденное в селе заставило пересмотреть свое отношение к истории. Да, одежды тут не от кутюрье, но попрошайек и голодающих не заметил, хозяйства справные и большие. Стал Макара расспрашивать, и тот поведал много интересного. Нищих, в моем понимании слова, тут нет, никто не голодает, но и роскошь себе не каждый может позволить. На всю деревню имеется один граммофон, и тот у старосты. По торжественным событиям аппарат выносят на улицу и заводят. Те, кто не желает с землей возиться, в город едут и на заводы или фабрики устраиваются. Что интересно, мой напарник ни одного вопроса не задал, как и не пытался чему-либо научить. Думаю, присматривался и проверял. До сторожки добрались к вечеру, перекусив по дороге все теми же ватрушками да запив их водой из ключа. Переночевали и отправились на токовище. Макар стрелять не стал, а вот я подстрелил двух лесных петухов, после чего мы отправились в обратный путь. Странная вылазка – Макар был задумчив и на вопросы отвечал неохотно, отделывался короткими фразами. Мне же, честно говоря, начинало в этом мире нравиться. Чистый воздух, леса полны зверья, ни тебе мусора под деревьями, ни вони от автомобилей!

– Крюк сделаем, к знахарке заглянуть хочу: часто спина болеть стала, может, чего посоветует, – неожиданно произнес Макар и изменил направление движения.

Угу, так я ему и поверил! По лесу идет словно лось, еле угнаться могу. Да и незаметно, чтобы дорога его хоть немного напрягала. Опять меня показать хочет и выслушать мнение со стороны. Ну, в принципе ничего против не имею. Крюк оказался небольшим: в лесу расположилась избушка, к которой дорога наезжена. Интересно, а как знахарка тут зимует? Неужели не боится лихих людей или зверья? Данный вопрос вслух задал, отчего Макар долго смеялся и слезы вытирал.

– Ну ты меня и насмешил! Кто же в здравом уме на нее руку поднимет? Да и звери свою благодетельницу охраняют, – отсмеявшись, ответил мой напарник.

Мало что я понял, но решил посмотреть, как и что: любопытно.

Хм, забор у знахарки не в пример лучше, чем у моего главы семейства. Да и дом не уступает, куры пасутся, кот на лавочке перед домом сидит и жмурится, а вот Макар оробел. Осторожно постучал в калитку, хотя та была открыта.

– Иду уже! – крикнула какая-то женщина и через пару минут подошла к нам.

На вид ей лет сорок – сорок пять. Одета просто, ни тебе перстней на пальцах, ни метлы в руках (колдунья с метлой у меня ассоциируется, про себя так пошутил).

– Мне бы настойку от спины, по весне так прихватило – криком кричал! – поздоровавшись, заискивающе попросил Макар.

Женщина, склонив голову, на него взглянула, перевела взгляд на меня, прищурилась, нахмурилась и кивнула:

– Проходите, у яблони располагайтесь, сейчас приду.

Макар выдохнул и вошел в калитку, поманив меня пальцем. Знахарка ушла в дом, а мы сели за стол, стоящий у яблони. Хозяйка не заставила себя долго ждать, вернулась с пузырьком и протянула Макару:

– Прихватит спину – пять капель на стакан воды.

– Чем... – заговорил он было, но знахарка перебила:

– В расчете: ты же сына своего привел, которого я врачевала и на ноги не поставила, а он сам излечился.

Ответить Макар ничего не успел – послышался топот копыт, мы синхронно повернули головы и увидели, как подъехал экипаж и остановился у ворот. По повозке, да и по ухоженному виду лошади вывод напрашивался сам собой: кто-то богатый прибыл.

Кучер, не слезая с козел, крикнул:

– Знахарка! Барыне плохо, помощь нужна, местные лекари помочь не могут!

– Ворота отопри и въезжай! – скомандовала знахарка.

Кучер споро отворил створки и через минуту чуть ли не к яблоне подъехал. Из экипажа выпрыгнул слуга в ливрее, обвел нас взглядом, а потом помог выйти даме в шикарном платье. У женщины нездоровый румянец на щеках, она прижимала ко рту платок и явно держалась из последних сил. На вид ей лет двадцать, красива, но глаза больны и беспомощны.

– Нехороший кашель, – произнес слуга, и в подтверждение его слов дама закашлялась и поспешно вытерла губы платком, на котором мы все заметили пятнышко крови.

– Чахотка... – убитым голосом произнесла знахарка.

Макар стал неистово креститься, кучер вытер со лба пот, а слуга с надеждой сказал:

– До графини дошли слухи, что вы можете многое. Помогите моей госпоже, и она достойно отблагодарит.

Одно то, что он обратился на «вы» к какой-то знахарке из глуши, говорит об их последней надежде. Наша хозяйка отрицательно покачала головой:

– Мне не под силу, а давать пустых обещаний не хочу.

– Можно с дороги передохнуть? – спросила графиня и сделала шаг в сторону лавки.

Мы с Макаром синхронно встали и попятились.

– Можете сидеть, если не боитесь, – грустно улыбнулась приехавшая. – Перед смертью все равны.

Жалко девушку – красивая и молодая, но помочь-то ей не смогу. В моем мире десяток уколов, свежий воздух и... Стоп, а с чего это я решил, что так уж беспомощен? Всем известен первый антибиотик, получить который относительно просто, а он, когда появился, чуть ли не лекарством ото всех болезней стал! Это потом вирусы и бактерии к нему привыкли, дозы потребовались другие, да в итоге и действие его практически прекратилось.

Закусил губу и решал сложный вопрос: как поступить? Промолчать или попытаться девушке помочь? Если не послушает, то хотя бы совесть будет чиста.

Глава 2

Больная

Стою и, закусив губу, смотрю, как девушка села на лавку и тяжело дышит. У нее явно температура подскочила. Блин, жалко графиню, но себя еще жальче. Выдавать свои знания? Хм, а они разве есть? Ну, кое-что мне известно, но получить лекарство вряд ли смогу, прекрасно себе в этом отчет отдаю. С химией мало общего, формулы воды и спирта могу назвать, но не больше, а уж чтобы синтезировать лекарство... Путь тут один: народная медицина и удача. Так как девушка плоха, можно попытаться вырастить плесень зеленого вроде цвета. Стал вспоминать и убедился, что про цвет помню хорошо. Применить же ее придется внутрь, но толку это не принесет, если не попадет в кровь. А вот настойка прополиса на спирту, у меня так знакомый излечился, от легкой формы туберкулеза может и помочь. Однако тут случай другой: слишком болезнь запущена и прогрессирует. Блин! Размышляю о том, как графиню излечить! А собственная судьба? Мне вспомнилось, как тащил в горный аул пацана. Н-да, и чего сам себя обманываю? Уже все решил, только не факт, что помочь смогу.

– Иван, – дернул меня Макар за руку и кивнул в сторону, – пойдем.

– Подожди, – отрицательно качнул я головой и сделал пару шагов к знахарке.

Та мое движение заметила и удивленно голову вверх дернула, как бы спрашивая: чего это ты, парень?

– Пару слов, – указал ей рукой в сторону.

Мы отошли к распахнутому окну дома, куда черный кот на подоконник переместился и, вытянув лапы, одним глазом наблюдал за мухой и ухом подергивал.

– Зачем звал? – прищурилась знахарка, глядя мне в глаза.

– Графине можно помочь, – не отводя взгляда, ответил я, но потом поправился: – Попытаться.

– Чихотка в такой стадии не лечится, – припечатала та.

– Несколько способов знаю, если их вместе попробовать, то шансы есть, – не отступил я.

Понимаю: если не смогу знахарку убедить, то к графине не пойду и слова не скажу. Она ни за что не поверит деревенскому парню, да еще с опухшей от синяков рожей.

– Говори, – приказала знахарка.

– Можно вырастить специальную плесень и давать больной, шанс на выздоровление есть, а если совместить и применить настойку на пчелином клею, то процентов десять, что девушка поправится.

– А чего не сто? – задумчиво хмыкнула знахарка, с удивлением глядя на меня.

– Тяжелая форма болезни, – ответил я ей.

– Ваня, а тебе откуда это известно? Про плесень и прополис, что они помогут?

– Дней десять потребуется, прежде чем лечение начать, – уклончиво ответил я и на Макара посмотрел, который хмурился.

А вот графиня и ее слуга почему-то напряглись. Особенно лакей нервничал: дядька уже седой почти, лет шестидесяти на вид, но могу ошибаться, в этом мире непонятно, как года идут. Знахарка задумчиво перевела взгляд на девушку, та как раз закашлялась и приложила платок к губам.

– Ей длительные поездки и тряски в экипаже противопоказаны, может... – сказал было я, но знахарка меня перебила:

– Это и так понятно. – Она поманила пальцем Макара: – Иди сюда!

– Что случилось? – сделал мой «отец» пару быстрых шагов к нам.

– Ваня твой случился, – пробубнила знахарка. – Парню доверять можно? У него мозги и в самом деле на место встали?

Ха, интересный вопрос! И как на него Макар ответит?

– А я, собственно, по этому поводу к тебе и пришел, – не стал тот брать на себя ответственность.

– Да? – удивилась знахарка, а потом мне сказала: – Дай ладонь!

Погадать решила? Да без проблем, протянул ей руку, и женщина стала изучать что-то, видимое только ей. Что-то под нос себе пробормотала и явно осталась недовольна результатом. Шагнула вперед и приложила руки к моим вискам. Кожу обожгло холодом: руки у женщины ледяные.

– Ничего не поняла, – огорченно качнула знахарка головой, отнимая ладони. – Пойдем к графине, сам предложишь ей лечение, как она решит – так и будет!

– Я предложу? – поразился я такому повороту.

– Ну не я же, – усмехнулась та. – Ваня, давать надежду и веру в то, чему сама не верю, – не в моих привычках. Если испугался, то... – Она кивнула в сторону калитки и фразы не закончила.

– Пошли, – буркнул я, пытаюсь придумать какой-то более-менее правдоподобный план.

В свое время язык у меня работал отменно, мог любого заболтать и из неприятной ситуации найти выход. Правда, не всегда слова доходили до противников, и приходилось кулаками махать. Ну, это понятно: как на дискотеке можно подвыпившим парням объяснить, что девушка ангажирована на все танцы мною? Да еще когда та с одним из них пришла!

– Графиня, мы можем переговорить втроем? – спросила знахарка.

Девушка удивленно посмотрела на нее, а потом кивнула в мою сторону:

– С ним?

– Да, Ваня хочет кое-что сказать, – подтвердила та.

– Лаврентий, подожди меня у экипажа, – бросила девушка слуге.

Тот кивнул и отошел, но со знахарки взгляда не сводил.

– Ну, слушаю тебя, Ваня, – улыбнулась мне графиня.

– Как-то неудобно к вам обращаться, не зная имени-отчества, – медленно произнес я.

На самом деле имя ее мне не так важно, оттягиваю время, пытаюсь прокрутить в голове разговор.

– Ой, прости великодушно, забыла представиться, – усмехнулась графиня: – Смеева Мария Александровна!

Настроение у графини скакнуло, она даже засмеялась, но сразу же закашлялась и судорожно поднесла ко рту платок. Крови на этот раз не оказалось, и девушка облегченно вздохнула.

– Иван меня зовут, до недавнего времени жил и ходил божьим человеком, – сообщил я.

– Божий человек? – нахмурилась Мария, а потом перевела взгляд на знахарку.

– Истину говорит, несколько раз пыталась лечить, но ничего не вышло, так его отцу, – кивнула она в сторону стоящего у стены дома Макара, – прямо и заявила пару лет назад, что все бесполезно. А нынче перед вашим визитом они пришли, и парень оказался совершенно здоров. А говорит так, словно ничем и никогда не болел.

– Иван, это правда? – уточнила у меня девушка.

– Ну, вероятно, – пожал я плечами. – Как жил до недавнего времени в деревне и что делал – не помню. Но дело не в этом. Ночью сегодня мне приснилась эта встреча, и я увидел, как и чем можно болезнь побороть. Однако сон оказался странен, у него имелось несколько окончаний, и не все они вели к положительному результату.

– Не поняла, – оторопело проговорила графиня.

– Верю, что видение являлось пророческим, хворь вашу можно исцелить, но при определенных условиях, – попытался я витиевато объяснить, пройти по грани между правдой и ложью.

– И что же для этого нужно? – серьезно спросила Мария, а у самой вырвался печальный вздох.

– Догадываюсь, что обещали вам много и часто, – говорил я, но понимал, что говорю совершенно не то, чего от меня ждут. – Шанс есть, он маленький, даже мизерный, но справиться можно.

– Так чего требуется? Денег? – перебила меня графиня. – Сколько? Ты скажи, не стесняйся.

Честно говоря, ее вопрос загнал меня в тупик. Сколько в этом мире стоит буханка, или, как, наверное, тут принято, краюха, хлеба – мне неизвестно.

– Я не про деньги, – отрицательно качнул я головой. – Необходим покой, строгая диета и безукоризненное выполнение моих требований.

– Мальчик, а ты не слишком о себе возомнил?! – поднялась с лавки Мария, и в ее глазах появился лед.

Девушка смерила меня таким взглядом, словно ледяной водой окатила.

– Воля ваша, – развел я руками, – хотел как лучше, а получилось как всегда.

– Лаврентий! Мы уезжаем! – развернулась графиня и чуть не столкнулась нос к носу со слугой, который незаметно подошел и явно слышал наш разговор.

– Матушка, повремени, отдохни немного еще, – елеинно улыбнулся он ей. – Я сам с юношей поговорю. Хорошо?

Сил у девушки явно не было, резко сдулась, и от праведного гнева следа не осталось, словно кто-то стержень вытащил. Мария вновь села на лавку и тяжело задышала, на лбу проступили бисеринки пота. Н-да, температура прыгает. Течение болезни в точности как у одного моего приятеля. Мы с ним учились в одном классе, после окончания школы пути-дорожки разошлись, а вернувшись из армии, я увидел опустившегося и старого человека. Роман успел пару лет отсидеть за хранение наркоты – начинал он с легкого дурмана, а заканчивал жизненный путь иглой в истерзанные вены. Тогда-то и изучил я эту болезнь, пытаюсь помочь бывшему однокласснику и приятелю по детским играм во дворе. Но тот не желал отправляться на лечение, верил в народную медицину и в то, что с иглы может слезть в любой момент как захочет, но почему-то такого желания не испытывал. Возможно, он не хотел жить, но у меня, да и ни у кого, не вышло его вытащить.

– Графине морса бы клюквенного, – посмотрел я на знахарку.

– Принесу, – коротко ответила та.

– Как тебя зовут-то? – неожиданно спросила Мария, обращаясь к знахарке.

– Пелагея, – ответила та и пошла в сторону дома.

Лакей графини махнул мне в сторону экипажа – мол, отойдем, – я чуть кивнул ему в ответ, соглашаясь. Но Лаврентий вышел за изгородь и, поглядывая на меня, следуя ли за ним, углубился в лес. Хм, он меня решил вдали от всех расспросить? Скорее всего, и кулаками захочет помахать. По походке не скажешь, что старик, в отличной форме, да и справиться с деревенским подростком, который в ответ и сдачи дать не подумает, легко. Ха, но я-то не тот и отвечу без раздумий. Жалею только, что мышц маловато, тело физической нагрузке не слишком подвергалось. Иду настороже, готовый в любой момент дать отпор. Ну, так и предполагал, Лаврентий с улыбкой на лице ко мне развернулся и правой в живот решил ударить. Увернуться я смог, от удара левой ушел и даже в стойку встал. Слуга графини склонил голову, оценивающе меня рассматривая, а потом сделал нырок в ноги. Подобного я ожидал, даже среагировать успел, но тело слушалось плохо, опрокинул он меня на спину и локоть на горло наложил.

– Говори! – яростно прошипел.

– Чего? – спросил я, оценивая собственные шансы.

Вывернуться не могу, сил не хватит, достать его ногами возможно, но пока решил подождать. Да еще простреливает пах, а про сломанные ребра и вообще молчу – дикая боль!

– Как и кто узнал, что мы тут окажемся? Чьи это происки?! – прошипел он мне в лицо и на горло надавил.

Интриги? Мля, больно! Да пошел бы он! Оттолкнулся ногами от земли, кулаками ударил его под ребра и одновременно попытался сделать кувырок назад. Цель – захват ногами шеи противника. Не рассчитал реакции Лаврентия: слуга, получив удары по ребрам, ослабил давление на шею и приподнялся. Ногами ему в голову попал и сразу же вбок откатился. Хотел вскочить, но получил по больным ребрам удар носком сапога.

– Сука!.. – вырвалось у меня с хрипом, а потом пара фраз, которых никак деревенский парень знать не может.

Лаврентий опешил, а потом попросил:

– Повтори, что сказал, и поясни значение!

Гм, да и слуге пара выражений неизвестна: это же армейский жаргон, связанный с оружием, которое кое-кому за такие деяния кое-куда засовывают. Первый прокол? За языком следить необходимо. А как это сделать, если тебя по сломанным ребрам бьют?!

– Какого хрена тебе от меня нужно? – лежа спросил я, наблюдая, как слуга в задумчивости отошел от меня на пару шагов и револьвер вытащил.

– Хм, этот вопрос тебе предназначен, – сказал тот и взвел курок.

До Лаврентия метров пять, даже в лучшей своей форме я ничего не сделал бы, а уж тут и говорить нечего. Странно то, что я предложил графине лечение, та не поверила, так чего ее слуга ко мне прицепился? Отправлялись бы домой – и дело с концом. Именно это и озвучил, но слугу не убедил.

– Тебе известно, кто родня у Марии Александровны?

– Да на хрен мне, – не договорил я и, сделав «круглые» глаза, посмотрел за спину Лаврентия и воскликнул: – Это еще что такое?!

Как и ожидалось, слуга непроизвольно повернул голову, я же, вскочив, не за деревом спрятался, а, «качая маятник», в два прыжка к нему приблизился и от души пнул ногой в пах. Лаврентий согнулся, сухо щелкнул выстрел из револьвера, пуля у моих ног в землю ушла. Два коротких удара в голову, без жалости и сожаления, слуга графини в глубоком нокауте отдыхает, руки раскинув, а я револьвером завладел и сел, опершись о ствол ели. Руки не дрожат, но курить хочется – спасу нет. Это все Макар со своими самокрутками – бросил же я года три как! Нет, стоило один раз сорваться – и все! Кстати, тело не родное, к табаку непривычное, а неодолимая тяга осталась, а это подтверждает, что зависимость психологическая. Побороть-то ее можно, но...

– Курить есть? – спросил застонавшего Лаврентия.

– Оружие отдай, – держа руку в паху, ответил мне слуга.

– У меня побудет, – хмыкнул я. – Мало ли, еще отстрелишь себе что-нибудь.

Слуга медленно сел и, покачиваясь, зашарил в кармане. Ну, не верю, что у него еще один ствол найдется. Ага, портсигар вытащил и в мою сторону кинул. Блин, между нами метра три, а Лаврентий умудрился недокинуть. А может, вновь драться изволит? Не, его покачивает – от нокаута еще не очухался.

– Спички, – напомнил ему, вытаскивая папиросу.

Лаврентий кинул мне коробок, я закурил, обдумывая свое положение. А оно мне казалось не слишком завидным. Деревенский парень нападает на слугу графини... Да за это мне место на каторге обеспечено, если делу дадут ход. Ноги делать? Без документов, денег? Глупо, ох как глупо!

– Ваня, а ты и взаправду можешь Марии Александровне помочь? – потирая скулу, спросил слуга.

– Шансов немного, но они есть, – задумчиво ответил я и поднялся на ноги. – Так кого ты во мне подозревал?

– Подосланного, и, знаешь, – он ухмыльнулся, – пока подозрения подтверждаются. А с другой стороны, если девочке поможешь, то мне без разницы, кем ты являешься и от кого!

Ха, а вот это другой разговор. Протянул Лаврентию руку, помогая встать, а потом попытался без прикрас нарисовать картину болезни девушки, если срочно не принять мер. Утаивать не стал, что шансов мало, состояние-то тяжелое, а непосредственно приступить к лечению незамедлительно не получится.

– Да, я сын Макара, деревенский парень, на которого прозрение сошло и он неожиданно разум обрел, – попыток я и вопросительно посмотрел на Лаврентия.

– Опровергать этого не собираюсь, – понативно кивнул тот. – Уверен, что бумаги у тебя имеются.

– Это у Макара нужно спросить, – пожал я плечами и кивнул в сторону, откуда пришли: – Идем?

– Да, графиню уговорим и станем за ней приглядывать, вариантов, если честно, нет, все врачи от нее отказались и руками развели, кто-то дает месяц, кто-то полгода, но это максимум, – печально сказал он.

Ушли мы не так далеко, а выстрел из револьвера все слышали и встретили нас облегченным вздохом. Один Макар остался невозмутим и продолжал стоять у стены дома, смоля самокрутку.

– Лаврентий, папиросу мне, – протянула графиня руку к слуге.

Тот полез в карман, позабыв, что портсигар ко мне перекочевал.

– Курить нельзя, остаешься у Пелагеи и выполняешь мои требования, если поправиться хочешь, – коротко сказал я и направился к Макару.

– Да по какому праву?! – возмутилась графиня.

– Мария Александровна, успокойтесь, мы поговорили, и я настоятельно советую попытаться излечиться, – взял слуга девушку за плечо.

Боковым зрением я наблюдал, как графиня просто кипит от негодования и что-то горячо шепчет Лаврентию, а тот ей ласково улыбается и кивает. Эх, не спросил я, кем он девушке приходится. Может, дальним родственником? Отношения выходят из-под определения «госпожа и слуга». Впрочем, если будет лечиться, то разговоров всяких не избежать.

– Макар, мне необходим пчелиный клей и самый что ни на есть чистейший самогон, – обратился я к «отцу».

– Так мед еще никто не качал, лето только началось, пчелы ульев не натаскали, – пожал тот плечами.

– Ваня, а прошлогодний не подойдет? – спросила Пелагея.

– А пес его знает! Лучше свежий, так надежнее, – ответил я, на самом деле не представляя, как лучше.

– На пасеку нужно или искать диких пчел в лесу, – пожал плечами Макар.

– Так тебе и даст пасечник улей грабить, – усмехнулась Пелагея. – Знаю пару мест в лесу, где пчелиные семьи обосновались. Объясню, Ваня и принесет что нужно.

– Тады я за первачом, у тебя-то нет, поди? – посмотрел на знахарку Макар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.